

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

Институт философии РАН
109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1Научный сотрудник
Кандидат философских наук
ORCID 0000-0002-8685-321X
E-mail: sasha.volodina@gmail.com

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

Статья посвящена теоретическому исследованию вспомогательных технологий и практик (т.е. средств, разработанных для поддержки людей с инвалидностью или особенностями здоровья) как неотъемлемой составляющей многих проектов в области современных визуальных искусств (выставок, арт-сред и перформансов). Показано, что вспомогательные технологии могут служить точками входа для разных способов восприятия, свойственным носителям или не-носителям опыта инвалидности. Тем самым с помощью вспомогательных технологий создаётся новое для всех аудиторий пространство, где может состояться встреча с другим без презумпции полного понимания другого. Культурная, этическая и философская значимость таких пространств (которые мы концептуализируем как ситуации «третьего опыта») раскрыта как на материале конкретных художественных проектов, так и с опорой на теоретические разработки исследователей инвалидности: концепцию крипистемологии, критику идеи «принудительной здоровости/трудоспособности» Робертом МакРуэром, интерпретацию понятия «непрозрачности» Эдуаром

Глиссаном. «Третий опыт» предлагается к использованию как открытое понятие, не обладающее чётким определением, однако позволяющее замечать или проектировать такие пространства, в которых могли бы воплощаться различия, не рискуя быть гомогенизированными, и в которых бы действовала «презумпция непрозрачности», столь важная для равноправной коммуникации людей с разным проживаемым опытом. Такие пространства и ситуации, выстроенные в контексте культуры инвалидности (disability culture), могут выполнять критическую функцию и сопротивляться идее «принудительной здоровости». Представленные в статье соображения могут представлять практическую ценность для научно-исследовательской и кураторской работы не только в сфере инклюзии, но и в сфере современного искусства в целом.

Ключевые слова: исследования инвалидности, вспомогательные технологии, инклюзия, доступность, современное искусство, разделяемый опыт.

Благодарности: Хотелось бы выразить благодарность сообществу «Тело, технологии, среда», посвящённому исследованиям инвалидности и смежным вопросам и практикам; дискуссии в сообществе во многом определили проблематику и выбор материала этого исследования.

Многие институции и исследователи сегодня увлечены обсуждениями кураторских и художественных стратегий в таких трудноопределимых и «пограничных» об-

ластях, как disability art (что можно условно перевести как «искусство художников с инвалидностью»), инклюзивное искусство, аутсайдерское искусство и других. Если поначалу (осо-

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

бенно в российском дискурсе о «маргинальном» и «самодетельном» искусстве) эти вопросы носили в основном терминологический характер, то сегодня на первый план выходят этические и философские вопросы. Они зачастую связаны с теорией и практикой сообществ, с проблематикой искусства как социального действия и как одного из способов создания социальных сред. В силу необходимой укоренённости этих вопросов в живом социальном контексте можно с уверенностью сказать, что определённых и универсальных ответов на них нам не найти, однако эти поисковые исследования важно продолжать для того, чтобы приобрести философские инструменты для кураторской и художественной работы и для работы с сообществами.

В статье я сфокусируюсь на рассмотрении проектов в области визуальных искусств (выставок и перформансов), в которых ключевую роль играют вспомогательные технологии и практики (т.е. средства, разработанные для поддержки людей с инвалидностью или особенностями здоровья, будь то тифлокомментирование, установка пандусов, перевод на жестовый язык, «тихий перформанс» (relaxed performance) или публикация сценария выставки для будущих посетителей, а также многое другое). Слово «вспомогательный» кажется даже уместным заключить в скобки, поскольку технология или практика, изначально созданная для конкретной аудитории, может приглашать к различным способам использования и оказаться полезной для самых разных групп людей, обладающих или не обладающих инвалидностью. Понятие «вспомогательный» свидетельствует о том, что интересующие нас технологии и практики призваны содействовать заботе и взаимопомощи, а также обеспечивать доступность той или иной среды. Однако при всей кажущейся

ясности понятия «доступность» его можно использовать по-разному. В данном случае меня будет интересовать доступность и помощь не только как совокупность чисто технических приспособлений и действий для того, чтобы включить тех или иных людей с особенностями здоровья в нормативную социальную среду. Мне хотелось бы использовать «доступность» как теоретическое, критическое понятие – вслед за кураторкой и исследовательницей Амандой Качиа, определяющей доступность как динамический концептуальный инструмент. Как при исследовании, так и при использовании разных инструментов доступности мы не можем просто следовать каким-либо существующим протоколам (т.к. они никогда не соответствуют полностью конкретным нуждам человека или ситуации), но неизбежно задаёмся вопросами: *доступ к чему? для кого? на каких условиях?*

Итак, в данной области исследования для меня принципиально важно пытаться сохранять максимальную степень включённости в конкретный контекст, чтобы избежать генерализирующих обобщений и схем, не подходящих для использования в живой социальной практике. Стремление выстраивать концепции исходя из всей противоречивой сложности конкретных практик отвечает этическому посылу и самого нашего материала, т.е. вспомогательных технологий, служащих адаптации, тесному взаимодействию и своего рода «переводу» возможностей человека и возможностей среды.

Имея в виду эти предварительные замечания, обратимся к исследованию вспомогательных технологий в инклюзивных культурных проектах и смежных областях. Сегодня во многих случаях такая технология не только встроена в концепцию с самого начала, но и является смыслогенерирующей и организует опыт участников и зрителей, несёт функцию художе-

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

ственного средства выразительности. Безусловно, этот подход свойственен не только инклюзивным проектам; мы можем вспомнить немало случаев, когда какой-либо вспомогательный материал становится центральной частью выставки и/или её неотъемлемым метаобъяснением. Один из хрестоматийный примеров – деятельность куратора Сета Сигелауба, одного из первых концептуалистов, владельца галереи на Манхэттене (Seth Siegelau Contemporary Art, 1964–1966), где он делал коллективные выставки в формате каталога – т.е. без, собственно, физической выставки произведений (в то время как обычно каталог выступает лишь дополнительным, вспомогательным элементом экспозиции или музейного собрания). Подобных примеров я в данном исследовании касаться не буду и обращусь к искусству, близкому к disability art (хотя, разумеется, чёткую границу между disability art и другими областями современного искусства сегодня провести невозможно – а вероятно, и не нужно). С другой стороны, я также оставляю за скобками те вспомогательные технологии, которые далеки от конкретного культурного использования и потому, очевидно, не обладают тем критическим и выразительным потенциалом, который и служит предметом этого исследования. Здесь имеются в виду впечатляющие своей высокотехнологичностью и элегантностью дизайн- и художественные проекты (с VR-технологиями и другими инновативными решениями), не доходящие, однако, до реализации, чрезвычайно дорогие и, по оценкам носителей опыта инвалидности, довольно бесполезные и не отвечающие их реальным нуждам. С подачи дизайн-критика Лиз Джексон их остроумно называют «адаптерами инвалидности» (disability dongles): эти адаптивные приспособления, словно флешки-адаптеры, призваны

сделать человека с особенностями здоровья «совместимым» с нормативной средой¹.

Как видится, критический и выразительный потенциал технологий и практик, которые нас будут интересовать, состоит в способности быть точками входа восприятия. Когда в художественное пространство попадают люди с совершенно различным опытом и особенностями, очевидно, что едва ли возможно создать пространство (материальное и смысловое), одинаково удобное и понятное для всех. Мы можем с помощью перевода (на ясный язык, на жестовый язык и т.д.) попытаться пересказать разным аудиториям смысл затеи, однако это не будет общением и включённостью на равных; с другой стороны, мы можем предложить не-носителям опыта инвалидности «примерить на себя» этот опыт (переместившись на инвалидную коляску, закрыв глаза и т.п.), но в этом случае тоже сложно рассчитывать на полноценное, а не игровое понимание другого опыта (как бы мы ни определяли критерии «полноценного понимания»). Проекты, о которых пойдёт разговор ниже, подсказывают нам возможность концептуализировать несколько иной подход: можно назвать его созданием «третьего опыта». Те или иные вспомогательные технологии и практики оказываются здесь точками входа разнонаправленного и разного по своей специфике восприятия, но не предоставляют ни общего пространства опыта, ни общего поля смысла, имманентно свойственного тому или иному телесному опыту. Они лишь обеспечивают вход, или доступ, к «третьему опыту» – не вполне понятному как людям с особенностями, так и не-носителям опыта инвалидности; новую для них всех территорию, где они могли бы

¹ Jackson, L., Haagaard, A., Williams, R. (2022) Disability Dongle. *Platypus*. <https://blog.castac.org/2022/04/disability-dongle/> (Accessed: June 30, 2023).

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

встретиться без презумпции полного понимания друг друга. Участники события могут «входить» в это пространство с разных точек и не достигать собственно встречи, однако действовать в совместном поле ощущения².

Способы конструирования и теоретическую значимость того режима восприятия, который мы назвали «третьим опытом», я попытаюсь раскрыть ниже на материале художественных практик, свидетельств носителей опыта инвалидности и теорий исследователей инвалидности. Необходимость построения пространства «третьего опыта» очевидна уже на стадии формализации правил выражения во вспомогательных технологиях перевода (тифлокомментарий, описание на жестовом языке и т.д.). На это указывает в своём эссе глухой и незрячий поэт Джон Ли Кларк, когда пишет о знакомом многим работникам в сфере инклюзии противоречии между корректностью перевода и эмоционально-смысловой составляющей происходящего вокруг (скажем, в пространстве выставки). Как правило, предполагается, что перевод должен быть точным, нейтральным и максимально объективным, однако тогда он рискует утратить не только часть значимой информации, но и в целом свою функцию – позволить сориентироваться и сформировать ощущение того или иного пространства или события, выявить в нём самое важное и существенное. Ли Кларк критикует главенство принципа точности и предлагает использовать при переводе представление о «коллективной субъек-

тивности»: «Предположим, сто зрячих людей видят, как кто-то неторопливо входит в комнату. В это... мгновение все они приходят к сотне немного отличающихся выводов, основанных на их собственном жизненном опыте. Переводчик может оказаться модным экспертом и знать, например, что дорогие сапоги вошедшего человека – подделка. Однако [в этом событии] будут и такие культурные знаки, соответствующие реальности или нет, которые узнаваемы для большинства из этой сотни людей. Вопрос в том, что же транслируется в коллектив? У нас нет времени выслушивать длинные описания в тысячу слов, ... чтобы прийти к разумному заключению (если мы вообще можем прийти к такому заключению, поскольку наш мир – не визуальный)»³. В этом он опирается на книгу Брайана Массуми «Чему животные учат нас в политике», где философ размышляет о том, как ребёнок воспринимает тигра и принимается играть в тигра, не подражая тому и не копируя его видимую форму – вместо этого ребёнок «тигризируется», стремится быть как тигр даже в тех ситуациях, в которых настоящий тигр бы не смог и оказаться. Тот же аффект восприятия может возникать и при переводе на разные перцептивные языки и опыты: скажем, нам нужно описать фотографию Мэри на выпускном, и мы можем сделать подробное последовательное описание, а можем задуматься о том, что наиболее волнует нас в этом изображении. Эта фотография «кричит о чём-то» той коллективной субъективности, которая её видит, и точно так же фраза «у Мэри улыбка до ушей» будет «кричать» о чём-то более внятно и убедительно, чем дотошное описание всех формальных деталей фотографии. И за пределами каждой из этих

² Понятие ощущения здесь используется в делёзианском ключе и означает сложную сборку мест и движущих сил, материальных и нематериальных составляющих, а также воспринимающей и воспринимаемой субъективностей. Подробнее об этой интерпретации см.: Володина, А.В. Эстетика Жюль Делёза: к имманентистской философии искусства // Философия и культура. – 2018. – № 3. – С. 49–63. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.3.24571. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24571.

³ Lee Clark, J. (2021). Against Access. In *McSweeney's 64. The Audio Issue*. https://audio.mcsweeney.net/transcripts/against_access.html (Accessed: June 30, 2023).

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

актуализаций (т.е. и изображения, и описания), «в вихре, который каждая из них вызывает, они встречаются»⁴, и этот вихрь и можно концептуализировать как «третий опыт».

Кларк полагает, что приверженность точности не совсем функциональна и по сути своей является приверженностью привычному статус-кво визуального мира («Ожидается, что мы оставим его [статус-кво] нетронутым или, если его необходимо изменить, то изменения будут насколько возможно минимальными. Таким образом, доступ – нечто сродни невзаимной ассимиляции»⁵). Критике ориентированности на сохранение статус-кво посвящена существенная часть инва-активизма (т.е. самоадвокации и иной деятельности носителей опыта инвалидности для защиты своих прав). Для обозначения нормативного статус-кво в этом контексте теоретик культуры Роберт МакРуэр предложил термин *compulsory able-bodiedness* (что можно перевести как «принудительная здоровость» или «принудительная трудоспособность»). В самом деле, «здоровость» / здоровье кажется само собой разумеющимся благом. Ещё в эпоху Ренессанса мыслитель Лоренцо Валла писал: «Об этом есть у Цицерона: “Привлекательность и красоту тела невозможно отделить от здоровья”. Хотя правильнее было бы сказать: здоровье не может быть отделено от привлекательности и красоты. Ведь многие здоровы без привлекательности, [а] без здоровья никто не привлекателен»⁶. Разумеется, это убеждение было более или менее актуально в разные эпохи (вспомним, к примеру, культурные мифы XIX века о чахотке как

состоянии, обладающем определённой эстетической привлекательностью), однако можно сказать, что сегодня желание быть здоровым и трудоспособным с точки зрения здравого смысла видится естественным и всеобщим. Согласно МакРуэру, «здоровый» (*able-bodied*) обыкновенно означает «лишённый недугов», т.е. – что чрезвычайно важно – это определение от противного. Дать же более содержательное определение довольно сложно: здоровье в современном дискурсе – понятие расплывчатое и контекстозависимое, совершенно неясный социальный конструкт, пустое понятие (без внятного смыслового наполнения), утверждает МакРуэр. Можно было бы содержательно представить его как живучесть, выносливость, устойчивость, дееспособность, но все эти характеристики ясно указывают, в сущности, на один и тот же важнейший смысл слов «здоровость/здоровье»: на способность делать то, что требует та или иная система трудовых отношений, в которую встроены индивид. Принудительная здоровость, таким образом, – это дискурс, нормализующий здоровье и продуктивность, полагающий эти состояния самоочевидной ценностью и стремящийся к тому, чтобы как можно больше людей их достигли. МакРуэр объясняет распространённость этого дискурса инерцией здравого смысла и эффектами капиталистической системы. Однако он упоминает и менее очевидную причину: для того чтобы успешно взаимодействовать и налаживать горизонтальные социальные связи, «здоровые» люди нуждаются в общей позиции, в общности взглядов и опыта. И потому огромное число инклюзивных проектов стремится «включить» инвалидов в своё пространство, «подтянуть» их до своей позиции (чтобы все группы разделяли одни и те же жизненные ценности здоровья и продуктивности) и скомпенсировать их особенности таким образом, чтобы

⁴ Ibid.⁵ Ibid.⁶ Валла, Л. Об истинном и ложном благе // Л. Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Пер. с латинского В.А. Андрушко, Н.В. Ревякиной, И.Х. Черняка. – М.: Наука. – 1989. – С. 99.

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

они могли быть адаптированы в качестве «нормальных» и «здоровых».

Однако если развивать далее идею «третьего опыта», то можно сказать, что другие позиции и другие способы взаимодействия со средой не только имеют право на существование, но ещё и чрезвычайно интересны для нас, поскольку позволяют создать пространство встречи носителей разного опыта. Многие теоретики, разделяя в целом этот подход, подчёркивают также, что пространство встречи носителей разного опыта открывает доступ и к разным знаниям, т.к., например, люди с инвалидностью «благодаря проживаемому опыту получают уникальные знания и о своей особенной телесности, и об окружающем их обществе» (и потому инвалидность или особенность здоровья, возможно, «следовало бы определять не по физиологическим параметрам или “невписываемости в среду”, а по тем знаниям, которые они получили благодаря своему телесному опыту»⁷). Впрочем, кажется, что рассмотрение разных телесностей как ресурсов и источников знаний может оказаться одним из способов эксплуатации людей с инвалидностью (коль скоро информация в современном мире является ценностью и товаром). Возможно, целесообразно сместить фокус с получения информации на более широкую рамку восприятия тела как ситуации (следуя мысли Симоны де Бовуар⁸) или, точнее, телесности как средства создания ситуации (таким образом, вспомогательные технологии, работающие с телесным восприятием, тоже можно рассматривать как *средства создания ситуаций*; будет ли результатом такой си-

туации приращение знания? Возможно, но не обязательно).

Ситуации «третьего опыта» могут возникать в ходе разных процессов. Во-первых, вспомогательные технологии способны создавать ситуацию совместной, или разделяемой, уязвимости и взаимозависимости, о чём мы узнаём благодаря проекту Шэннон Финнеган «Мы вам здесь нужны или нет?» (Shannon Finnegan, «Do you want us here or not?»), реализуется с 2018 года). Он представляет собой инсталляции и объекты, вторгшиеся в музейное или выставочное пространство: скамейки, стулья и подушки одинакового синего цвета. На сиденьях белым написаны фразы на английском, а иногда и на других языках: «Сюда непросто было попасть. Отдохните здесь, если согласны», или «Я бы предпочла посидеть. Присядьте, если согласны», или «На этой выставке придется слишком долго стоять. Сядьте, если согласны». Следуя призыву Андреа Фрейзер о движении «от критики институций к институции критики», помимо художественного высказывания эти объекты представляют собой места заботы, дружески-интимно беседующие с посетителями об усталости и приглашающие передохнуть. Отдых бывает нужен всем – как людям с особенностями здоровья, так и нормативно здоровым, особенно в современном обществе, где продуктивность является несомненной ценностью, и чтобы вопреки общественным требованиям (и традициям музейных институций) получать и проявлять заботу, требуется создавать места и технологии помощи. Такой проект не формирует некий общий опыт для разных людей – он лишь приглашает почувствовать, что наша уязвимость свойственна не только нам, что наша взаимозависимость разделяема, хотя, конечно, наполнение этого ощущения

⁷ Siebers, T. (2019). Returning the Social to the Social Model. In D.T. Mitchell, S. Antebi & S.L. Snyder (Eds.). *The Matter of Disability: Materiality, Biopolitics, Crip Affect*. University of Michigan Press. 42–44.

⁸ Подробнее об этом см.: de Beauvoir, S. (1973). *The Second Sex*. Trans. E.M. Parshley. Vintage. 301.

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

уязвимости, интенсивность и характер переживаемого аффекта для всех будут разными.

Во-вторых, ситуации «третьего опыта» могут возникать благодаря такому использованию вспомогательных технологий, которое создаёт ощущение трансформации телесного контура. Об этом свидетельствуют слова участников и зрителей перформансов коллектива «Kinetic Light». Перформансы придумывают и воплощают профессиональные танцоры и танцовщицы, передвигающиеся на инвалидных колясках. Одна из основательниц проекта, танцовщица и хореограф Элис Шеппард в интервью рассказывает, как кто-то из публики однажды сказал, что чувствует их движения «своей инвалидной коляской». Элис говорит, что так и задумано: танец «создавался на коляске, чтобы его ощущали коляской»⁹, таким образом указывая на то, что для людей с инвалидностью это не просто средство передвижения, но составляющая их телесного контура, часть тела, способная быть органом чувств. Также для нас здесь важно внимание к материальности опыта взаимодействия с коляской: она не используется в качестве метафоры (символа страдания или чего-то в этом роде), и перформансы не репрезентируют повседневную жизнь человека с инвалидностью. Акцент в их перформансах «Wired», «Descent» и других ставится скорее на исследование движения и телесности как таковых, в которое зритель может включиться на разных уровнях: для проекта «Descent» было разработано мобильное приложение, которое позволяет незрячему или слабовидящему (а также любому другому) зрителю выбрать для себя подходящий способ описания происходящего на сцене (сценарий перформанса, описание звуков тел

танцоров или поэтическую интерпретацию). Похожим образом говорит об этом художник Джозеф Уилк, рассказывая о своих цифровых работах: «[Моя коляска] – это часть моего тела. И программирование я тоже воспринимаю почти как часть моего тела. <...> Когда я не мог работать и вынужден был оставаться в постели, когда испытывал боль, то запускал автоматический девайс для рисования, который использовал в своём проекте, и он жужжал на фоне. Я не мог встать с кровати, но слышал, что моя работа продолжается»¹⁰. Технология или инструмент как продолжение тела – философская идея с долгой историей: её выражение, дискурсивно наиболее близкое нашей теме, находим в «Манифесте киборгов» Донны Харауэй: «Почему наши тела должны заканчиваться кожей или включать в лучшем случае других существ, обтянутых кожей? <...> Для нас – в воображении и иных практиках – машины могут выступать протетическими устройствами, интимными компонентами, дружественными самостями»¹¹. Как кажется, в современном искусстве, в новых пространствах для практического испытания эта идея обогащается и проявляется в конкретном опыте телесного переживания и сопереживания.

В-третьих, проживаемый «третий опыт» может состояться в качестве совместного, даже будучи непубличным и непонятным, непрозрачным. Такой опыт в 2020 году предлагал сконструировать каждому желающему онлайн-фестиваль перформанса «Presents»: на сайте были представлены видео-работы, которые не требовали физического присутствия или

⁹ Meet Disabled Dancers Alice Sheppard & Laurel Lawson. *Now This Originals*. <https://www.youtube.com/watch?v=jjLRPVnmY30> (Accessed: June 30, 2023).

¹⁰ Virdee, A., Botero, H.N., Wilk, J., and Lin, Y.Y. (2021). Disabled Artists Interview on Cyborgs and Working with Art and Technology. *Able Zine*. Issue 2. 120.

¹¹ Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000. – М.: РОССПЭН. – 2005. – С. 363.

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

«здоровости» для того, чтобы быть перформативными. Это была не видеозапись перформансов – вместо этого десять художников с опытом инвалидности или болезни представили свои видео, сопровождавшиеся аудио- и/или текстовой инструкцией, чтобы любой желающий мог исполнить этот перформанс, где бы он ни находился. Цель фестиваля состояла в том, чтобы «расширить формат “перформанса”, показав работу, которая воплощена, непосредственна и присутствует, не заставляя при этом тела соответствовать эйблистским нормам художественного творчества»¹². Таким образом, у этих перформансов нет «оригинального» исполнения или даже задумки, есть лишь пространство для невидимого (и потенциально бесконечного) соучастия различных телесных действий и опытов.

В-четвёртых, дополняя предыдущий тезис, важно отметить, что сама пространственная среда «третьего опыта» может стать общей и разделяемой средой, при этом оставаясь непонятной и непрозрачной. Даже если мы находимся внутри этой среды, и она нам полностью доступна, мы не всегда можем рассчитывать на познаваемость этой общности опыта присутствия в среде. Такие непосредственные, но неясные средовые отношения становятся ощутимыми в некоторых выставочных проектах, предполагающих сокураторство – совместную работу над выставкой кураторов и художников, как носителей опыта инвалидности, так и без него. Такая стратегия, к примеру, была выбрана на выставке «Охрана труда» в ДК «Розы» в 2020 году: в монтаже, оформлении и общем нарративе выставки в той или иной мере участвовала не только художница и педагог Надежда Ишкинина, но и художники, проживающие в психо-

неврологическом интернате – Сергей Колосов, Юрий Козлов и Артем Левинский. Перед участниками, насколько можно судить, не стояла чёткая и всеми разделяемая задача монтажа выставки с определённым сценарием и месседжем, и пространство осваивалось художниками по-разному; кураторка в данном случае оказывалась тоже своего рода «вспомогательной технологией», создавая не столько саму выставку, сколько её дискурсивное поле. Посетителю, следовательно, представлялось совершенно невозможным эксплицировать концепцию выставки и вступить в диалог с произведениями согласно привычным для современного искусства конвенциям. Тем не менее, эстетический эффект выставки не исчез, и она не утратила свою институциональную форму, даже выступая, в сущности, критически по отношению к этой форме.

Так, даже если в создании пространственной среды участвуют вспомогательные технологии, и даже если она открыта и доступна коллективному восприятию, тем не менее она может оставаться непонятной и не вполне проницаемой. В качестве вспомогательных практик могут также выступать не только языки и технические изобретения, но и тексты, надписи и автокомментарии разных форматов, которые часто можно встретить как часть произведения искусства или арт-среды, созданных художниками-самоучками. Можно посетить, к примеру, такие арт-среды, как комплекс «Башен Уоттс» Саймона (Сабато) Родиа, «Дом Второго пришествия» Исаяи Робертсона, «Каменный сад» Нека Чанда, расписанный дом Полины Райко, «Помпеи Джерри» Джерарда Далтона, «Африканская деревня» Джо Минтера или «Музей НАС» Александра Емельянова. Посещение произведёт на нас некоторое впечатление, поскольку сам факт присутствия оказыва-

¹² <https://vitalcapacities.com/presents/> (Accessed: June 30, 2023).

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

ется здесь центральным: присутствие создателя среды, который живёт в ней или беседует с посетителями, рассказывая о своей работе, и присутствие зрителя, находящегося внутри среды с её особой размерностью и атмосферой. Чтобы полноценно ощутить своеобразие арт-среды, важно физически в ней оказаться и встретиться с её автором (или хотя бы с его записанными рассказами). Однако даже пообщавшись с автором, мы не сможем быть уверенными в том, что нечто поняли об этом художественном пространстве – зачастую мы разделяем с художниками-самоучками (в особенности с носителями психиатрического опыта) столь мало общих семиотических и дискурсивных кодов, что сопresence не может обеспечить нам общность. Также важно добавить, что в случае с такой арт-средой зритель часто имеет дело с процессом, а не с результатом, что также делает пространство менее ясным и понятным: создатель арт-среды всегда находится в процессе творчества, иногда десятилетиями продолжая свой труд, что-то совершенствуя и переделывая, добавляя новые элементы. Когда же художник уезжает или умирает, начинается другой процесс – процесс руинирования. Интересно, что некоторые авторы специально задумывались о том, чтобы продлить своё присутствие: например, Сэмюэль Перри Динсмур помимо прочих инсталляций и строений возвёл в своём «Эдемском саду» мавзолей, где завещал себя похоронить и записал в своей книге: «Обещаю всем, кто придёт навещать меня (любой сможет взглянуть через стеклянную крышку гроба и увидеть моё лицо), что если я увижу, как они кладут доллар в руку прислужника, и увижу этот доллар, то я подарю им улыбку»¹³. Такая встреча без узнавания (тем

более посмертная), как видится, не вполне может называться встречей, хотя она несомненна, ощутима и отмечает момент обоюдного схватывания («схватывание» здесь используется вслед за А.Н. Уайтхедом в значении простого акта физического и/или концептуального восприятия, доступного всем живым существам).

Список возможных аспектов «третьего опыта» шире этих четырёх пунктов и может быть продолжен. Следует рассматривать «третий опыт» как открытое понятие, не обладающее чётким определением, однако позволяющее замечать или проектировать такие конкретные пространства, в которых могли бы воплощаться различия (не рискуя быть гомогенизированными в качестве общего целого или, напротив, в качестве множества уравненных между собой «безразличных различий»¹⁴). Такие пространства и ситуации, выстроенные в контексте культуры инвалидности (disability culture), могут выполнять критическую функцию и сопротивляться идее «принудительной здоровости». Присутствие в этой ситуации не означает, что нам нужно принять для себя ту или иную идентичность, связанную с понятиями инвалидности, нейроотличия и т.д. Оно скорее подразумевает определённую позицию и определённую специфику взаимодействия со средой.

Итак, критическая настроенность по отношению к «принудительной здоровости», как мы выяснили выше, во многом связана с пустотностью этой идеи (её конкретное содержание определяется от противного и представляет собой неясный и «никоим образом не достижимый»¹⁵ идеал, позиционируемый, однако, как

¹³ Dinsmoor, S.P. (1927). *Pictorial history of the Cabin Home in Garden of Eden*.

<http://www.gardenofedenlucas.org/pictorial-history> (Accessed: June 30, 2023).

¹⁴ Здесь я отсылаю к понятию «небезразличного различия» у Г. Бейтсона (т.е. различия, которое производит или преобразуется в новое различие, и именно оно и становится информацией).

¹⁵ McRuer, R. (2006). *Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability*. New York University Press. 10.

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

норма). В то же время инвалидность (disability) – тоже не вполне ясный и чётко определяемый термин, особенно если придерживаться не медицинской, а более общепринятой сегодня социальной модели инвалидности. Согласно этой модели, инвалидизация возникает не в самом теле вследствие физических нарушений или заболеваний, а вокруг него – как эффект несонастройки со средой (из-за несовершенства вспомогательных технологий, а также из-за систем предрассудков, мешающих развитию этих технологий). Однако эта неясность – иного рода; если «здоровость» пуста, то инвалидность – непрозрачна и непонятна. Об этой принципиальной значимости понятия «непрозрачность» (opacity) размышляет писатель и теоретик Эдуар Глиссан в своём одноимённом эссе. Он указывает на дискурс (и даже социальное требование) прозрачности и видимости субъекта и его идентичности для того, чтобы субъект был признан в качестве субъекта и обрёл социальную ценность. Эта идея глубоко созвучна и размышлению о производстве субъективности у Мишеля Фуко, и теории перформативности Джудит Батлер, и в то же время общественно-политической практике писательницы Ясмин Наир с её идеей «принудительной откровенности», когда субъект вынужден «подтверждать свою подлинность»: «... меня очень беспокоит это требование показать себя в качестве травмированного субъекта. Я думаю, что оно претендует на системный анализ, претендует на то, чтобы сказать: «Послушайте, это важно, потому что многие из нас, работающих над этим вопросом, на самом деле тоже травмированы». Это звучит как обоснование [важности той или иной проблемы социальных меньшинств]. Но я хочу спросить: неужели это единственный способ понять сущность травмы в неолиберализме? Неужели об этом могут говорить только те, кто

испытал травму на собственном опыте? Во всем этом есть своего рода требование аутентичности»¹⁶. Возвращаясь к Глиссану, обратим внимание на его тезис о том, что принудительная прозрачность редуцирует, упрощает человека; он должен стать объяснимым, понятно соотносимым с коллективными представлениями о норме. Но у всех есть право на непрозрачность, т.е. нередуцируемость и непереводаемость (что не обязательно синонимично неразборчивости и смутности, хотя возможно и такое положение дел). Моя идентичность может быть непрозрачной для меня самого, пишет Глиссан, и я должен быть готов к непрозрачности другого: «... я могу постигать непрозрачность другого для меня без упрека за свою непрозрачность для него. Чтобы чувствовать солидарность с ним, или строить вместе с ним, или любить то, что он делает, мне не обязательно его понимать. Не нужно пытаться стать другим (или стать Другим, или “сконструировать” его по моему образу)»¹⁷. Для Глиссана эта философская рамка, несомненно, не только обладает этической и экзистенциальной ценностью, но и служит орудием критики неолиберального дискурса инклюзии, скрытым основанием которого является императив рыночной и трудовой продуктивности¹⁸.

Если брать эту философскую рамку в качестве ориентира, то и исследования, и художественная практика возлагают на человека немалую ответственность и требуют вовлечённости, бережности и дополнительных усилий. Один из

¹⁶ Kinnucan, M. (2014). An Interview with Yasmin Nair, Part Two: The Ideal Neoliberal Subject is the Subject of Trauma. *Hypocrite Reader*. Issue 43.

<http://hypocritereader.com/43/yasmin-nair-two> (Accessed: June 30, 2023).

¹⁷ Glissant, É. (2006). For Opacity. In É. Glissant. *Poetics of Relation*. Trans. B. Wing and A. Arbor. Michigan University Press. 193.

¹⁸ Gibilisco, P. (2011). *The Politics of Disability: A Need for a Just Society Inclusive of People with Disabilities*. CCB Publishing. 64.

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

способов эксплицировать из этой рамки если не метод, то по крайней мере рабочий принцип – идея «крипистемологии», о которой пишут МакРуэр, Мерри Лиза Джонсон и другие теоретики и практики в области «культуры инвалидности». Термин «крипистемология» происходит от понятия «крип» (crip); дословно его можно перевести как «калека» – пейоратив, который недавно был переприсвоен в качестве самоназвания носителями опыта инвалидности и стал использоваться не для оскорблений, а наоборот для сплочения сообществ. Крип-теория в отличие от исследований инвалидности разрабатывается не совсем как академическая дисциплина, а скорее – как автотеория и самоадвокация нейроотличных людей, людей с инвалидностью и других смежных сообществ, и развивается в интерсекциональном подходе (во взаимодействии с другими автотеориями). Её можно охарактеризовать как методологию «воображения и выстраивания таких систем ценностей, которые не основаны на “здоровости”». Вместо нормативных представлений о дееспособности крип-теория фокусируется на изучении идей пассивности, замедления, бездействия и других, которые исторически считались чем-то бесполезным¹⁹. Крипистемология, следовательно, указывает на такие траектории познания и теоретизирования, которые удерживают противоречия, тёмные и уязвимые места, размышляя вокруг них и вместе с ними. Джонсон и МакРуэр призывают теоретиков «рассуждать, не боясь понятийной (conceptual) нестабильности»²⁰.

Такой подход можно отнести к позиционным (standpoint) эпистемологиям, которые основываются на конкретном, размещённом в той или иной среде эмпирическом опыте и постулируют, что реальным, значимым и «небезразличным» знанием обладают именно меньшинства и угнетённые группы. Позиционные эпистемологии занимаются «не только эпистемическими эффектами социальных пространств, но и эффектами и освободительным потенциалом тех позиций, за которые борются и которых достигают эпистемологические агенты, критически осознающие условия, при которых производится и утверждается знание»²¹. Концептуализируя крипистемологию, её сторонники придерживаются даже более радикального взгляда на схожую проблему. Писатель и теоретик литературы Джек Халберстам подчёркивает: «Любая крипистемология, достойная своего названия, должна обнаруживать различные виды незнания, раз-знания (unknowing) и неспособности знать. Если конвенциональные эпистемологии всегда предполагают наличие субъекта, который может знать, то крипистемология, несомненно, будет начинаться и заканчиваться субъектом, который просто знает, что его или ее способности ограничены, и что тело обеспечивает лишь самый хрупкий и временный доступ к знанию, речи, памяти и связи»²². Удерживая непрозрачность и незнание, крипистемология, следовательно, не обременена необходимостью конструировать свой объект и предмет исследования, что отчасти позволяет если не снять, то развернуть под иным углом проблему схематизации субъект-

¹⁹ Gaeta, A. (2023). Diagnostic advertisements: The phantom disabilities created by social media surveillance. *First Monday*. 28 (1). <https://dx.doi.org/10.5210/fm.v28i1.12913> (Accessed: June 30, 2023).

²⁰ Johnson, M.L., and McRuer, R. (2014). Cripistemologies. *Journal of Literary & Cultural Disability Studies*. 8.2. 132.

²¹ Wylie, A. (2003). Why Standpoints Matter. In Robert Figueroa; Sandra Harding (Eds.). *Science and Other Cultures. Issues in Philosophies of Science and Technology*. Routledge. 31.

²² Johnson, M.L., and McRuer, R. (2014). Proliferating Cripistemologies. *Journal of Literary & Cultural Disability Studies*. 8.2. 152.

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

объектных отношений. В этическом же отношении здесь для нас важно, что в незнании можно солидаризоваться самым разнообразным субъективностям, поскольку идентичность или носительство того или иного опыта (например, опыта инвалидности) не является обязательным. Отказ от претензии на понимание и готовность к чужой непрозрачности, о чём писал Эдуар Глиссан, может стать этической и практической основой солидарности.

Ситуации «третьего опыта» в искусстве, которые мы обсуждали выше, также сопряжены с состоянием непрозрачности – художников, зрителей, живой материальности среды. Внутри них могут иметь место противоречия, несогласия и своего рода смысловые лакуны (проблемы, оставленные без ответа и решения), однако «презумпция непрозрачности» даёт возможность двигаться дальше, обсуждать и ощущать дальше, вместе с этими противоречиями. Принятие расхождений, разрывов, фрагментации и непонятности логично следует из обозначенных выше теоретико-философских обоснований и может служить своего рода методологией в художественной практике – особенно в тех проектах, которые зарождаются в пространстве «культуры инвалидности».

Список литературы

Jackson, L., Haagaard, A., Williams, R. (2022) Disability Dongle. *Platypus*.
<https://blog.castac.org/2022/04/disability-dongle/> (Accessed: June 30, 2023).

Lee Clark, J. (2021). Against Access. In *McSweeney's 64. The Audio Issue*.
https://audio.mcsweeney.net/transcripts/against_access.html (Accessed: June 30, 2023).

Валла, Л. Об истинном и ложном благе // Л. Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Пер.

с латинского В.А. Андрушко, Н.В. Ревякиной, И.Х. Черняка. – М.: Наука. – 1989. – С. 65–266.

Siebers, T. (2019). Returning the Social to the Social Model. In D.T. Mitchell, S. Antebi & S.L. Snyder (Eds.). *The Matter of Disability: Materiality, Biopolitics, Crip Affect*. University of Michigan Press. 39–47.

de Beauvoir, S. (1973). *The Second Sex*. Trans. E.M. Parshley. Vintage. 814 p.

Meet Disabled Dancers Alice Sheppard & Laurel Lawson. *Now This Originals*.
<https://www.youtube.com/watch?v=jjLRPVnmY30>
 (Accessed: June 30, 2023).

Virdee, A., Botero, H.N., Wilk, J., and Lin, Y.Y. (2021). Disabled Artists Interview on Cyborgs and Working with Art and Technology. *Able Zine*. Issue 2. 117–126.

Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. – М.: РОССПЭН. – 2005. – С. 322–377.

Dinsmoor, S.P. (1927). *Pictorial History of the Cabin Home in Garden of Eden*.
<http://www.gardenofedenlucas.org/pictorial-history>
 (Accessed: June 30, 2023).

McRuer, R. (2006). *Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability*. New York University Press. 304 p.

Kinnucan, M. (2014). An Interview with Yasmin Nair, Part Two: The Ideal Neoliberal Subject is the Subject of Trauma. *Hypocrite Reader*. Issue 43.
<http://hypocritereader.com/43/yasmin-nair-two> (Accessed: June 30, 2023).

Glissant, É. (2006). For Opacity. In É. Glissant. *Poetics of Relation*. Trans. B. Wing and A. Arbor. Michigan University Press. 226 p.

Gibilisco, P. (2011). *The Politics of Disability: A Need for a Just Society Inclusive of People with Disabilities*. CCB Publishing. 342 p.

Gaeta, A. (2023). Diagnostic advertisements: The phantom disabilities created by social media surveillance.

Александра В. ВОЛОДИНА

| Выразительность вспомогательных технологий в художественных практиках |

First Monday. 28(1).

<https://dx.doi.org/10.5210/fm.v28i1.12913> (Accessed: June 30, 2023).

Johnson, M.L., and McRuer, R. (2014). Cripistemologies. *Journal of Literary & Cultural Disability Studies*. 8.2. 127–147.

Wylie, A. (2003). Why Standpoints Matter. In Robert Figueroa; Sandra Harding (Eds.). *Science and Other Cultures. Issues in Philosophies of Science and Technology*. Routledge. 26–48.

Johnson, M.L., and McRuer, R. (2014). Proliferating Cripistemologies. *Journal of Literary & Cultural Disability Studies*. 8.2. 149–169.

Alexandra V. VOLODINA

| Expressive Power of Assistive Technologies in Artistic Practices |

Alexandra V. VOLODINA

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, Russian Federation, 109240

Research Fellow

PhD in Philosophy

ORCID 0000-0002-8685-321X

E-mail: sasha.volodina@gmail.com

EXPRESSIVE POWER OF ASSISTIVE TECHNOLOGIES IN ARTISTIC PRACTICES

The article is devoted to the theoretical study of assistive technologies and practices (i.e. tools designed to support people with disabilities or severe health conditions) as an integral part of many projects in the field of contemporary visual arts (exhibitions, art environments and performances). It is shown that assistive technologies can serve as entry points for different ways of perceiving the world by disabled and non-disabled people. Thus, assistive technologies help create a new space for all audiences, where a meeting with the other can take place without the presumption of a complete understanding of the other. The cultural, ethical and philosophical significance of such spaces (which we conceptualize as situations of the "third experience") is revealed both by means of specific artistic projects and of the theoretical developments of disability studies: the concept of *cripistemology*, criticism of the idea of

"compulsory able-bodiedness" by Robert McRuer, the idea of "opacity" by Edouard Glissant. The "third experience" is proposed for use as an open concept that does not have a strict definition, but allows one to notice or design such spaces in which differences could be expressed without the risk of being homogenized, and in which the "presumption of opacity" that is so important for equal communication between people with different lived experiences. Such spaces and situations, built in the context of disability culture, can serve a critical function and resist the idea of "compulsory able-bodiedness". The considerations presented in the article can be of practical value for research and curatorial work not only in the field of inclusion, but also in the field of contemporary art in general.

Key words: disability studies, assistive technology, inclusion, accessibility, contemporary art, shared experience.

References

- Jackson, L., Haagaard, A., Williams, R. (2022) Disability Dongle. *Platypus*. <https://blog.castac.org/2022/04/disability-dongle/> (Accessed: June 30, 2023).
- Lee Clark, J. (2021). Against Access. In *McSweeney's* 64. *The Audio Issue*. https://audio.mcsweeneys.net/transcripts/against_access.html (Accessed: June 30, 2023).
- Valla, L. (1989). Ob istinnom i lozhnom blage [Of the True and the False Good]. In L. Valla. *Ob istinnom i*

lozhnom blage. O svobode voli [Of the True and the False Good. Of Free Will]. Nauka. 65–266. (In Russian).

Siebers, T. (2019). Returning the Social to the Social Model. In D.T. Mitchell, S. Antebi & S.L. Snyder (Eds.). *The Matter of Disability: Materiality, Biopolitics, Crip Affect*. University of Michigan Press. 39–47.

de Beauvoir, S. (1973). *The Second Sex*. Trans. E.M. Parshley. Vintage. 814 p.

Meet Disabled Dancers Alice Sheppard & Laurel Lawson. *Now This Originals*.

Alexandra V. VOLODINA

| Expressive Power of Assistive Technologies in Artistic Practices |

<https://www.youtube.com/watch?v=jjLRPVnmY30>
(Accessed: June 30, 2023).

Virdee, A., Botero, H.N., Wilk, J., and Lin, Y.Y. (2021). Disabled Artists Interview on Cyborgs and Working with Art and Technology. *Able Zine*. Issue 2. 117–126.

Haraway, D. (2005). Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh gg. [A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s]. In *Gendernaia teoriia i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000* [Gender Theory and Art. Anthology: 1970–2000]. ROSSPEN. 322–377. (In Russian).

Dinsmoor, S.P. (1927). *Pictorial History of the Cabin Home in Garden of Eden*. <http://www.gardenofedenlucas.org/pictorial-history>
(Accessed: June 30, 2023).

McRuer, R. (2006). *Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability*. New York University Press. 304 p.

Kinnucan, M. (2014). An Interview with Yasmin Nair, Part Two: The Ideal Neoliberal Subject is the Subject of Trauma. *Hypocrite Reader*. Issue 43. <http://hypocritereader.com/43/yasmin-nair-two> (Accessed: June 30, 2023).

Glissant, É. (2006). For Opacity. In É. Glissant. *Poetics of Relation*. Trans. B. Wing and A. Arbor. Michigan University Press. 226 p.

Gibilisco, P. (2011). *The Politics of Disability: A Need for a Just Society Inclusive of People with Disabilities*. CCB Publishing. 342 p.

Gaeta, A. (2023). Diagnostic advertisements: The phantom disabilities created by social media surveillance. *First Monday*. 28(1). <https://dx.doi.org/10.5210/fm.v28i1.12913> (Accessed: June 30, 2023).

Johnson, M.L., and McRuer, R. (2014). Cripistemologies. *Journal of Literary & Cultural Disability Studies*. 8.2. 127–147.

Wylie, A. (2003). Why Standpoints Matter. In Robert Figueroa; Sandra Harding (Eds.). *Science and Other Cultures. Issues in Philosophies of Science and Technology*. Routledge. 26–48.

Johnson, M.L., and McRuer, R. (2014). Proliferating Cripistemologies. *Journal of Literary & Cultural Disability Studies*. 8.2. 149–169.

